

Государственный университет –
Высшая школа экономики

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАКТИКА В РОССИИ В 90-Е ГОДЫ*

Шок последних десяти лет разрушил сложившуюся ранее систему взаимоотношений между экономической наукой, экономическим образованием и практикой. Источником шока были изменения во внешней среде: процессы в реальной экономике, политической сфере и общественном сознании. Изменился и характер спроса на экономические знания. Впрочем, обновившийся спрос не мог служить верховным судьей, ибо он во многом был конъюнктурным и лишь отчасти отражал новые реальности, а в значительной степени воспроизводил иллюзии кризисного общественного сознания.

Развитие экономической науки

Для разных областей исследований экономической науки реакция на шок была весьма различной. В ряде *прикладных областей* (например, в области финансового анализа) повышенный спрос на знания предоставил возможность привлекать лучших специалистов и способную молодежь. Характер решаемых задач позволял осваивать и адаптировать известные в мире методики анализа, а в некоторых случаях открывал новые сферы приложения сил для отечественных специалистов в смежных областях (особенно математиков). Все это дало толчок формированию новых исследовательских центров вне традиционной науки. Во многих других случаях спрос на прикладные знания не шел дальше разработок на уровне здравого смысла. Это способствовало выживанию немалой части профессиональных кадров экономистов, но не имело отношения к собственно научным исследованиям.

Ситуация в области *фундаментальных экономических исследований* развивалась весьма неблагоприятно. Вслед за резким сокращением финансирования произошло радикальное сужение масштабов тео-

* Материал подготовлен сотрудниками Государственного университета – Высшей школы экономики В. Автономовым, О. Ананиным, Я. Кузьминовым, И. Липсицем, Л. Любимовым, Р. Нуреевым и В. Радаевым.

ретических исследований, что выразилось как в прямом оттоке кадров из соответствующих коллективов, так и в снижении интенсивности исследований ввиду необходимости искать иные источники заработков. Не менее значимым фактором стал *идеологический шок* в результате “открытия” отечественного научного сообщества вовне. Прежде сколько-нибудь серьезное знакомство с западной экономической наукой было достоянием весьма узкого круга специалистов. Быстрая смена ориентиров, идеологическое (а порой и политическое) давление в сторону скорейшего освоения западных стандартов в экономической науке привело к расколу и дезориентации академического сообщества.

Среди характерных реакций на подобное давление отметим следующие:

- оживились консервативные тенденции, отторгающие западную науку в принципе как нечто чуждое и даже враждебное;
- параллельно сложилось не критическое восприятие “экономикс” как вершины научной мысли;
- начал нарастать интерес к поиску “среднего пути” – попыткам “синтеза” политэкономии и “экономикс” без учета качественной разнородности обеих научных традиций.

Ситуация стала еще более запутанной после того, как первоначальная стратегия экономических реформ, опиравшаяся на стандартные установки ведущей западной школы макроэкономики, зашла в тупик. Многие ведущие западные экономисты открыто заявили о своем несогласии с рекомендациями, которые их коллеги предлагали “новым рыночным экономикам” от имени науки. Так, один из самых авторитетных знатоков современной экономической теории М. Блауг недавно едко заметил, что экономисты как профессиональное сообщество оказались “хуже, чем бесполезными”, советуя правительствам стран Восточной Европы, как переходить от командной экономики к рыночной. Стало ясно, что, во-первых, мировая экономическая наука не столь однородна, как это казалось поначалу, и, во-вторых, опыт “новых рыночных экономик”, в особенности России, выступил катализатором критических настроений в самом западном научном сообществе. В этой ситуации выбор ориентиров для дальнейшего развития экономической теории оказался тем более проблематичным.

По-видимому, *главный урок последнего десятилетия состоит в признании значимости фактора институциональной среды в экономическом анализе* и, как следствие, осознании скромных возможностей современной экономической науки в таких областях, как экономика развития и экономика трансформации плановых экономик в рыночные. По признанию нобелевского лауреата Д. Норта, “адекватной теории трансформации как не было тогда (в начале 90-х годов), так нет и сейчас. А если бы она существовала, то это была бы сложная “смесь”, состоящая из как минимум экономики, социологии, политической науки и в особенности права”.

В результате именно *институциональная и эволюционная* экономики развиваются наиболее активно и все чаще признаются в последнее время наиболее перспективными направлениями экономической теории. Одновременно растет понимание того, что отсутствие достаточ-

но развитой теории в этих областях требует гораздо большего внимания со стороны экономистов к систематическому анализу институционального разнообразия экономических систем во времени (экономической истории) и в пространстве (экономической компаративистике).

Осмыслению “мозаики” факторов и тенденций, определяющих задачи отечественного академического сообщества, во многом мешают недостаточно высокая *методологическая культура*, отсутствие ясного понимания крупных сдвигов в структуре и характере экономического знания, происшедших в XX в. До сих пор преобладает представление о науке, пришедшее из XVIII в. – эпохи, когда общественные науки еще не “отпочковались” от социальной философии и экономическая теория отождествлялась с некоторым целостным образом экономики и тенденциями ее развития, к тому же данный образ считался единственно истинным. Время таких представлений давно миновало. Сегодня основной корпус экономической теории – это множество конкретных связей и закономерностей, выявленных и проанализированных на базе соответствующих теоретических моделей и значимых только для четко фиксированных условий, которые не всегда имеют реальные аналоги.

По известному выражению Дж. Робинсон, экономическая теория – это “ящик с инструментами”. Иметь доступ к такому “ящику” – необходимое, но не достаточное условие для успешного решения практических хозяйственных задач. Так, при строительстве современного моста не обойтись без знания законов физики, но никто не ожидает от физика-теоретика ответа на вопрос, как строить конкретный мост в конкретном месте. Сходная ситуация и в экономике с той лишь разницей, что корпус собственно теоретического знания весьма неполон, а корпус “экономико-технологического” знания – совершенно не развит. Поэтому ключевую роль играют проблемы *выбора теории* и комбинации наличного инструментария для оценки ситуации и комплексной проработки вариантов решения проблемы. Это прежде всего методологическая задача, предполагающая осознанное отношение к возможностям, границам и взаимной совместимости существующих теорий.

В Советском Союзе развитие фундаментальной науки концентрировалось преимущественно в институтах АН СССР. Их сотрудники имели сравнительно свободный доступ к зарубежной экономической литературе. Выполняя задания ЦК, Совмина и пр., они разрабатывали и практические предложения в области экономической политики (их “внедряемость”, конечно, – особый вопрос). Преподаватели вузов ввиду как большой учебной нагрузки, так и большего идеологического пресса располагали гораздо меньшими возможностями заниматься научной работой.

В 90-е годы положение изменилось. Идеологическое давление сверху на преподавателей исчезло, а давление снизу со стороны потребителей образовательных услуг возросло: студенты хотели получать современное экономическое образование, приближенное к мировым стандартам. Преподаватели, включая и представителей старшего поколения, были вынуждены осваивать западную теорию с азов. (Отсюда популярность в нашей стране учебников начального уровня Макконнелла и Брю, Фишера, Дорнбуша и Шмалензи, которые многие до сих пор

считают воплощением современной экономической теории.) В дальнейшем уровень осваиваемых учебников рос, но у большинства вузовских преподавателей сохранилось несколько пассивное, “школярское” восприятие современной западной науки как некоего монолитного здания, лишённого противоречий и не нуждающегося в реконструкции.

Ситуация в академической экономической науке была еще сложнее. Давления не было ни снизу, ни сверху, но не было и выраженного спроса на знания. Недостаток денег заставлял научных сотрудников искать побочные заработки, а они, естественно, были связаны не с теорией, а с сугубо практической деятельностью. Таким образом, *сегодня ведущие преподаватели вузов знают современную экономическую теорию лучше основной массы работников РАН*, но не умеют ее активно использовать, не знакомы с ее историей, методологией и, главное, редко применяют ее в конкретных исследованиях.

Добавим, что на экономическое образование гораздо охотнее, чем на экономическую науку, предоставлялись западные *гранты*. При раздаче грантов на образовательные программы “доноры” стараются поощрять провинциальные университеты. Получить грант на развитие образования гораздо проще, потому что требования к исходному уровню минимальные. А для того чтобы получить грант на научное исследование, надо уже владеть современными приемами анализа и иметь некоторый опыт по этой части, а он есть только у очень узкого круга специалистов, живущих в основном в Москве или Петербурге и, как правило, успевших поучиться или постажироваться на Западе.

Развитие образования

Будущее экономической науки определяется нынешним состоянием экономического образования. В свою очередь, содержание экономического образования во многом зависит от того, что оно получает (или не получает!) от экономической науки. В этом смысле экономическая наука и экономическое образование – это две части одного целого: профессионального академического сообщества.

В 90-е годы направления “Экономика” и “Менеджмент” стали самыми востребованными в сфере высшего образования. Соответственно спросу возросло и предложение образовательных услуг. Однако *качество образовательных услуг оказалось чрезвычайно низким*. Во-первых, в России не осталось ни одного медицинского, технического, театрального, лингвистического, музыкального и других вузов, в которых не открылись бы факультеты экономики и менеджмента. В большинстве случаев это происходило при почти полном отсутствии кадров, учебных и научных библиотек. Во-вторых, даже специализированные экономические вузы столкнулись со сложными проблемами (дефицит теоретиков, слабая математическая подготовка, уход молодежи и практически ориентированных экономистов, приток “шабашников”, не имеющих, как правило, специального образования, и т.д.). Эти проблемы стали весьма серьезными и для экономических факультетов старых классических университетов. А для новых классических университетов,

“конвертированных” в 90-е годы из областных педагогических институтов, так же, как и для медицинских или лингвистических вузов, эти проблемы оказались практически непреодолимыми.

Низкое качество образовательных услуг в области экономики и менеджмента в подавляющем большинстве вузов вынудило лучшую часть российского делового мира и некоторые федеральные ведомства пойти на открытие собственных образовательных программ и учреждений. Возникли свои вузы в ГТК и Минналогов, центры подготовки в крупнейших банках, холдингах, компаниях. Лидеры российского бизнеса часто предпочитали выпускникам экономических факультетов и вузов математиков и физиков. Их подготовка по математике и информатике была весомым подспорьем для быстрого освоения наиболее сложных экономических и управленческих специальностей. Подобная подготовка позволяет им поступать в магистратуру Государственного университета–Высшей школы экономики или в Российскую экономическую школу, и после окончания они набирают необходимый потенциал для обучения в аспирантурах академических институтов.

В прикладной экономике и в прикладном менеджменте устойчивые позиции завоевали созданные в 90-е годы *школы бизнеса*. Они сумели привлечь наиболее продвинутую часть преподавательского корпуса, а также зарубежные проекты. Их ассоциация (РАБО) стала реальным выразителем интересов школ бизнеса и смогла добиться присвоения дипломам МВА (“мастер делового администрирования”) государственного статуса. Однако в вузах прикладные области стали объектом “нашествия” огромного числа неспециалистов, квалификация которых сводит качество образовательных услуг к уровню техникумов.

Из сказанного выше следует, что *лишь в нескольких вузах сложились основы фундаментального университетского образования*. Уровень подготовки в области теории в остальных вузах соответствует в лучшем случае вводным учебникам (для первых курсов). Между тем от уровня теоретической подготовки в решающей мере зависит подготовка по общепрофессиональным дисциплинам и по дисциплинам специализации. Во многих вузах 60–70% информации в учебных курсах по прикладным областям науки занимает информация о текущих нормативных регулирующих актах.

Поэтому в российском экономическом и управленческом высшем профессиональном образовании не сложилась устойчивая система воспроизводства кадров как для практики, так и академических видов деятельности. Средний уровень подобных образовательных услуг весьма далек от мировых стандартов и не может обеспечить подготовку экономистов и менеджеров, говорящих на одном профессиональном языке с зарубежными партнерами. Сохранение такого положения создает огромный риск того, что наше отставание от развитого мира будет законсервировано и надежды на его преодоление не оправдаются. Попытки исправить ситуацию зачастую наталкиваются на игнорирование, а иногда и активное неприятие представителей экономической науки, обладающих должной квалификацией. Лишь соединение усилий последних с содержательной поддержкой (разработка образовательных стандартов, учебных программ, программ для аспирантуры и т.д.) со сторо-

ны академических институтов могло бы стать конструктивным вкладом в преодоление сложившейся катастрофической ситуации.

Отдельно следует сказать об *общеобразовательной школе*. Международные программы общего образования (например, школьная программа международного бакалавриата, в которой участвуют школы 100 стран) содержат весьма продвинутые блоки экономической подготовки. Но такая подготовка обязательна в большинстве школ не только развитого мира. В России попытка ввести в базисные планы общеобразовательных школ экономику упиралась в барьер на уровне чиновников Минобрнауки и Российской академии образования. Между тем экономика, со времен классиков считавшаяся царицей социальных наук, является одной из главных ценностнообразующих предметных областей в образовании и воспитании новых поколений. А *смена ценностной системы* выступает приоритетной задачей для модернизации российского общества. Именно экономика из всего комплекса социальных знаний обладает фундаментальностью, может опереться на математическую подготовку школьников, более того, увязать математические подходы с обширными знаниями истории и географии, которые дает российская средняя школа. В этом плане следует отметить еще один неверный шаг Минобрнауки: с недавних пор *экономика вообще выведена из обязательного списка вузовских дисциплин*. Аргументы, предполагающие, что экономические курсы, дескать, и так будут востребованы, не учитывают отсутствия традиции их преподавания. После десяти лет освоения Россией основ рыночной экономики сама экономическая наука оказалась отчужденной от молодых российских граждан.

Следует подчеркнуть, что навести порядок в экономическом и управленческом высшем профессиональном образовании России будет достаточно сложно. Программы такого образования в непрофильных вузах позволяют им извлекать немалые доходы, но фактически профанируют саму его идею, а за низкий уровень образовательных услуг пока спрашивать некому. В минувшем академическом году при разработке новых образовательных стандартов попытки вывести на международный уровень хотя бы программы международного бакалавриата не привели к успеху из-за противодействия абсолютного большинства вузов-членов Учебно-методических объединений (УМО) по экономическим программам бакалавриата. УМО (на направлениях "Экономика" и "Менеджмент") давно стали коллегиями низкопрофессиональных лоббистов. Вероятно, наведение порядка в этих областях возможно только на основе принятия решительных мер с участием экспертов как из академических институтов, так и из ведущих западных университетов.

Связь экономической науки и образования

Характер связи между экономической наукой и экономическим образованием во многом определяется *институциональным разрывом исследовательских и преподавательских областей*, который сформировался в советский период. На протяжении многих лет лишь от-

дельные сотрудники исследовательских институтов постоянно читали лекционные курсы. Престиж подобной работы был невысок, оплачивалось совместительство плохо, особенно молодым сотрудникам (выгоднее было читать лекции через общество “Знание”). Все это лишало исследователей дополнительных возможностей для систематизации научного знания и отрезало их от молодых поколений экономистов, из которых лишь немногие оказывались в академических институтах. В свою очередь, совместительство в Академии наук сводилось в основном к приглашению ограниченного числа профессоров.

Отрыв академических исследований от преподавания негативно отразился и на университетах. Даже в ведущих вузах лишь немногие преподаватели, заваленные аудиторными часами, сохраняли мотивы к систематическому исследовательскому труду (который не оплачивался вовсе). В условиях крайне слабой конкуренции со стороны практикующих исследователей образование во многом превратилось в обучение по чужим стандартам: сначала марксистским, потом либерально-рыночным. Основная часть преподавателей, выключенных из исследовательского процесса, учат тому, чем сами никогда серьезно не занимались.

В начальный постсоветский период (вплоть до середины 90-х годов) постепенно ослаб, а затем фактически прекратился контроль за совместительством – стала возможной работа хоть в десяти местах. Одновременно создаются кафедры академических институтов в университетах. Но ситуация в целом не меняется. Институтские кафедры остаются оторванными от жизни в университете. А для большинства сотрудников академических институтов чтение лекций остается чуждым и малопонятным делом. Материальные стимулы снижаются в еще большей степени, намного выгоднее выполнить какой-нибудь хозяйственный договор. Да и с содержательной точки зрения зачастую не ясно, что преподавать – стандарты “плавают”.

Одновременно у молодых экономистов и выпускников вузов появляются новые соблазны – уход в банковские и коммерческие структуры, отъезд за границу. Заманить выпускников приличных вузов в исследовательские структуры становится все сложнее. Приток молодых ученых почти иссяк. Трудности с привлечением молодых кадров в академические институты, в свою очередь, ослабляют стимулы к преподавательскому труду. Возникает замкнутый круг. Общая ситуация в этот период характеризуется “размыванием” кадрового состава, финансовой неустойчивостью и неясностью институциональных перспектив.

В середине 90-х годов финансовое положение экономических вузов стабилизируется и относительно укрепляется. Появляются новые образовательные структуры. Возникает дополнительный спрос на преподавателей, который, впрочем, удовлетворяется за счет переработок и множественного совместительства прежнего преподавательского контингента. Возобновляется приток аспирантов, хотя приходят в основном не самые лучшие кадры, и одна из важных причин поступления в аспирантуру – стремление освободиться от призыва в армию.

Наиболее уверенно адаптировались к новой ситуации несколько старейших классических университетов (Московский, Санкт-Петербург-

ский, Новосибирский) и Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Они имели уже давно сложившиеся отделения экономической кибернетики, хорошо укомплектованные мировой научной литературой библиотеки, а Новосибирский госуниверситет традиционно концентрировался на серьезной подготовке по математической экономике и моделированию экономических процессов. Однако еще более важной была изначальная органичная связь НГУ с Сибирским отделением РАН. Это стало главной причиной того, что экономисты – выпускники НГУ оказались востребованными сегодня аспирантурами западных университетов, московскими банками и крупными компаниями. По этой же причине в лидеры фундаментального образования сразу же вышла созданная в начале 90-х годов Российская экономическая школа при ЦЭМИ РАН. В данный период быстро развивается Государственный университет – Высшая школа экономики, активно привлекающий академические исследовательские кадры.

Но несмотря на успешный опыт деятельности Российской экономической школы, возможности создания университетов при академических институтах весьма невелики. Помимо ограниченности масштабов деятельности, образовательные программы в университетах при Академии наук нацелены прежде всего на предоставление второго (дополнительного) высшего образования. Обеспечение нормальной подготовки в объеме степени бакалавра и специалиста ввиду обилия общеобразовательных (неспециальных) дисциплин академическим институтам не под силу. Впрочем, это и не их задача.

Своеобразным эффектом “эпохи ученичества” в экономической теории стало то, что прикладные экономические дисциплины развивались автономно от теории. Это относится к финансам, маркетингу, теории инвестиций и фондового рынка, а также к примыкающим к экономике отраслям управленческой науки. Здесь сложился круг элитных учебных заведений, тесно взаимодействующих с экономической практикой: Финансовая академия, Академия народного хозяйства, Российская экономическая академия имени Г.В.Плеханова и Государственный университет управления. В них, а также в региональных учебных заведениях происходит интенсивный кадровый и информационный обмен с бизнесом. Такой тип реакции академического мира на вызов времени можно назвать “экономическая наука без экономической теории”. Однако, несмотря на коммерческую успешность прикладного образования, отсутствие фундаментальной подготовки и связанный с ней недостаток аналитического инструментария у его выпускников объективно ухудшают их перспективные позиции на рынке труда.

Необходимо подчеркнуть, что обе группы лидеров в экономическом образовании по качеству своих услуг далеко превосходят основную массу вузов, экономических факультетов, факультетов бизнеса и менеджмента. И как положительный факт следует отметить, что именно вузы-лидеры формируют сегодня фактические стандарты экономического образования. Но возможности их воздействия на академическую среду ограничены: из трех традиционных форм такого воздействия (учебные материалы, подготовка и переподготовка кадров и конференции) “живой” осталась лишь связь через учебники.

Связь с практикой

Традиционная схема соотношения экономической практики (политики), экономической теории и образования такова: *практические (политические) проблемы придают импульс экономической теории, способствуют выдвигению новых (иногда революционных) исследовательских подходов, которые утверждаются*, проходя через “чистилище” дискуссий и *превращаясь в классические*. На этой стадии появляются учебники, и теоретические результаты проникают в сферу экономического образования. В свою очередь, систематизированные и адаптированные теоретические результаты кладутся в основу рекомендаций к пересмотру экономической политики.

Подобной схеме приблизительно соответствовали события в ходе кейнсианской революции и “контрреволюции рациональных ожиданий”. Не случайно речь идет о макроэкономике, где давление на теорию практики/политики гораздо сильнее. В микроэкономике связь практики и теории начиная с маржиналистской революции прослеживается далеко не всегда, и развитие теории часто вытекает из внутренних потребностей самой теории в единообразии, согласованности и даже элегантности (например, развитие в XX в. теорий потребительского выбора). Исследовательский аппарат приобретает *собственную логику развития*, которая отнюдь не во всех случаях обуславливает преимущественную разработку наиболее актуальных проблем – опасность, на которую в свое время обращал внимание еще А. Маршалл.

Возникает также угроза серьезного расхождения между практикой и экономическим образованием. Во всех университетах мира в качестве основы экономического образования преподается так называемый “мейнстрим” (“mainstream” – основное течение), пронизанный неоклассическим подходом. Это вполне закономерно: неоклассическая теория внутренне согласована и последовательна, ее можно изложить без искажений на любом уровне сложности, в том числе для начинающих. Сделать то же самое с институциональной теорией намного труднее.

В то же время потребности экономической политики предполагают учет институциональных особенностей в масштабах, неподъемных для абстрактной неоклассической теории. Возникает объективное противоречие между экономической теорией для образования и экономической теорией для практики. Особенно велико это противоречие в странах с переходной экономикой, максимально удаленных от неоклассической равновесной модели эффективного рынка. В известной мере способом разрешения этого противоречия может быть разработка наряду с неоклассической базой институциональных курсов экономики развития, компаративных курсов переходной экономики, отражающих мировой и, конечно, российский опыт. Однако дело это гораздо более трудоемкое, чем освоение стандартных курсов западного образца.

Девяностые годы были отмечены резким всплеском потребности в экономическом анализе со стороны экономических субъектов. Однако эти потребности носили сугубо прикладной характер и во многом были несоразмерны возможностям как отечественной эконо-

мической науки, так и отечественного экономического образования. Российская хозяйственная система оказалась в непростой ситуации перехода от командной экономики к рыночной. Между тем за малыми исключениями отечественные научные и образовательные учреждения были плохо подготовлены к анализу такого рода проблем и не располагали необходимым методологическим и понятийным аппаратом исследования, так как привыкли работать в рамках марксистско-ленинской политической экономии и были ориентированы на решение проблем планового хозяйства.

Негативную роль сыграла и сама организация экономической науки в нашей стране, где, помимо жесткого разделения на элитарную систему институтов Отделения экономики РАН и вузовские научные лаборатории, существовало еще более жесткое разделение академической и отраслевой экономической науки при министерствах. В итоге *в стране так и не сложилось единое сообщество ученых-экономистов*. В новой ситуации “атомизация” российской экономической науки еще более укрепилась, дойдя до такой степени, что отдельные ученые стали формировать вокруг себя временные творческие коллективы для выполнения тех или иных конкретных заказов. Практически отсутствует прозрачность достигнутых такими коллективами результатов, на ошибках никто не учится; напротив, “доброй” традицией стало “изобретение велосипеда”.

Не смогла достойно ответить на требования отечественного хозяйства и российская вузовская система. Подготовка кадров оказалась неадекватной структуре профессиональных запросов российской промышленности и финансово-кредитного сектора, и потому в стране в первой половине 90-х годов возник острый кадровый “голод” на специалистов, разбирающихся в механизмах рыночной экономики и способных помочь предприятиям в овладении новыми принципами деятельности. К чести экономических вузов, они довольно быстро перестроили профиль подготовки специалистов и уже к последней трети 90-х годов проблема структурного несоответствия была снята.

Тем временем на смену структурным несоответствиям пришла проблема неадекватности уровня подготовки. Выяснилось, что многие, если не подавляющая часть экономических университетов России, не способны обеспечить качественную подготовку специалистов для новых и реструктурированных отечественных фирм. Причины этого во многом сходны с теми, что тревожат и экономическую науку, – нехватка квалифицированных кадров преподавателей, незнание современной практики бизнеса, отсутствие средств для переобучения кадров, а нередко и неспособность персонала к переобучению.

Отток наиболее сильных специалистов из научных и вузовских организаций в структуры бизнеса также ослабил исследовательский и образовательный потенциал страны. Правда, такой отток привел к возникновению во второй половине 90-х годов в отечественной экономической науке новой положительной тенденции – рождения внутрикорпоративных исследовательских структур. Этот процесс развивается пока слабо, но его нельзя сбрасывать со счетов, поскольку подобные исследовательские группы, начав с решения сугубо приклад-

ных задач той или иной фирмы, постепенно начинают расширять поле своих интересов. При этом, что особенно ценно, они не испытывают дефицита реальных данных, хотя порой страдают вполне понятным искажением угла зрения, делают выводы, несущие явный отпечаток локальных интересов данного бизнеса, а также “закрывают” полученные результаты по коммерческим причинам.

Добавим, что 90-е годы были отмечены рождением многочисленных независимых исследовательских центров, имевших, как правило, крайне незначительную численность сотрудников, но порой обладавших весьма квалифицированными кадрами. Все это создало к концу века в отечественной экономической науке и вузовской системе подготовки экономистов совершенно новую ситуацию, требующую серьезного осмысления академическим сообществом. Чрезвычайно важным в этом отношении является вопрос о путях развития Отделения экономики РАН.

Как двигаться дальше

Требуется глубокий анализ *структуры современного экономического знания* и тенденций его эволюции. Без подобного анализа уже не обойтись при формировании осмысленных программ экономических исследований и экономического образования, а также при выработке рекомендаций для экономической политики. Наряду с дальнейшим наращиванием знаний о закономерностях сложных динамических процессов в экономике не менее актуальной становится задача формирования навыков эффективного использования уже имеющихся теоретических заделов. Это прежде всего задача повышения методологической культуры экономистов – исследователей, преподавателей и студентов. Особое внимание в научной работе следует уделить институциональному направлению экономической теории и экономической компаративистике.

Нужно преодолеть законсервировавшийся институциональный разрыв между наукой и образованием, в том числе упорядочить взаимодействие Российской академии наук с ведущими экономическими образовательными центрами. Для этого целесообразно *создавать смешанные организационные формы*, которые тесно свяжут дееспособные университеты и исследовательские коллективы, объединят на постоянной основе близкие по профилю университетские кафедры и исследовательские лаборатории. В рамках подобных объединений исследователи будут систематически читать свои курсы, а профессорско-преподавательский состав – заниматься столь же систематической исследовательской работой. Такая институциональная переплетенность обеспечит взаимодействие различных видов научной деятельности и позволит постепенно снижать издержки специализации.

Крайне важно повышать статус исследовательской работы в университетах, научиться правильно ее оценивать. Пока для университетских преподавателей она считается “факультативом”. Ведутся или не ведутся исследования – это никак не отражается ни на зарплатке, ни на общей нагрузке преподавателя. Следует принять систему, при которой для

штатных преподавателей исследовательская нагрузка будет учитываться наряду с преподавательской и административной. Универсальный критерий и измеритель есть – это публикация книг и статей в ведущих научных журналах. Одновременно необходимы усилия по реабилитации преподавательского труда в кругу “чистых” исследователей. Чтение базового или авторского курса должно стать нормальным и во многом результирующим элементом исследовательской деятельности.

В области преподавания экономических дисциплин *необходимо пересмотреть существующие учебные планы*. Главная задача – разумное сокращение тех курсов, которые слабо связаны с реальными проблемами современной российской экономики. Вторая задача – введение в качестве обязательных программ новых курсов по сравнительному анализу экономических систем, экономике развития, моделированию постсоветской экономики, анализу теневой экономической деятельности, институтам современного российского рынка, институциональному анализу экономических субъектов современной России, институциональному проектированию экономики, истории реформ в России XX в.

Первостепенной задачей должна стать *переориентация переводческой деятельности*. Вместо подготовки изданий на русском языке все новых и новых типовых учебников по микро- и макроэкономике с математическими моделями (формально верными, но совершенно не связанными с российскими реалиями) надо обратить главное внимание на работы по теории и практике рыночной модернизации, обобщающие реальный опыт стран Восточной Европы, Азии, Африки и особенно Латинской Америки со всеми его достоинствами и недостатками. Особое внимание следует уделить изданию оригинальных научных монографий и специальных курсов по экономике России.

Ключевую роль в состоянии профессионального сообщества играют *схемы построения коммуникативных связей*. Во все большей степени они должны опираться на современное информационное обеспечение. Необходимо развивать базы экономических данных и открывать реальный широкий доступ к этим базам. Особое внимание нужно уделять созданию специализированных сайтов в сети Интернет, новым формам коммуникации посредством телеконференций и электронных журналов. Не следует, впрочем, пренебрегать и традиционными формами. Должны быть более регулярными тематические научные семинары и конференции, позволяющие вырабатывать конвенциональные взгляды в области экономической теории и в прикладных областях.

Экономическая наука традиционно имеет “совещательный голос” при формировании основ экономической и социальной политики. Этот голос должен быть более “громким” и весомым. Существует необходимость налаживания постоянного экспертного взаимодействия между исследовательскими институтами, университетами и российским Правительством. При естественном расхождении концептуальных позиций представители академических институтов и вузов должны своевременно обмениваться информацией, более эффективно координировать свои действия, вырабатывать платформы для широких профессиональных и общественно-политических соглашений.